

ПРАВО КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

*Работа представлена кафедрой правоведения
Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М. Ф. Решетнева.*

Статья посвящена анализу права как общественного идеала.

Ключевые слова: *право, общественный идеал, реалистская методологическая традиция.*

T. Mel'nikova

LAW AS A SOCIAL IDEAL

The article is devoted to the analysis of law as a social ideal.

Key words: *law, social ideal, realistic methodological tradition.*

Учения о праве – общественном идеале (идеал в переводе с французского означает «совершенный образец чего-либо, конечная цель стремлений» [9, с. 113]) берут начало в римском праве. Не случайно слово *jus (ius)* в римском праве означало одновременно и право, и законодательство [7, с. 4].

Право как общественный идеал – это совершенный образец поведения членов общества. Такое понятие права составляет сущность учения юридической догматики. В соответствии с учением юридической догматики право – это содержание его источников, в частности законов. Н. Н. Алексеев отмечает: «Что считается, например, источником положительного права? Или кто может быть субъектом права в смысле юридической догмати-

ки?.. Строго говоря, все эти вопросы с точки зрения положительного права не могут иметь никакого общего решения. При ответе на них приходится всегда иметь в виду, что в каждом данном случае является принятым и установленным. Сообразно одним установлениям, источниками права могут быть обычай, закон, прецедент; другие установления могут считать источником права судебную практику, мнения юристов и пр. Одни источники устанавливают, что субъектом права являются все люди, другие – считают субъектами права только некоторых людей» [1, с. 21–22].

Между тем источники права: закон, обычай, прецедент – это внешняя форма права. В соответствии с учением юридической догматики все нормы, закрепленные источника-

ми права, в силу такого закрепления являются справедливыми. Н. Н. Алексеев пишет: «Подлежащее научному определению понятие является уже определенным в положительном праве, и дело идет о познании этого последнего определения независимо от того, истинно оно или ложно» [1, с. 23].

Таким образом, если правило поведения закреплено источником права, оно является справедливым и представляет собой идеальный образец поведения. Следовательно, в данном случае имеет место реалистская методологическая традиция, согласно которой в качестве сущностей (репрезентантов) выступают идеальные (абстрактные) сущности. В соответствии с указанной методологической традицией в качестве репрезентанта (абстрактной сущности) выступает право.

При этом ценность права заключается в способности соединить разнородные интересы членов общества, которые, не оценивая справедливости действующих правовых норм, должны подчиняться им. В соответствии с реалистской методологической традицией И. Кант писал, что «государство (*civitas*) – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам» [3, с. 233]. Таким образом, право является высшей ценностью.

Аксиологический подход к правопониманию заставляет поставить вопрос о субъекте, определяющем критерии потребности в правовом регулировании тех или иных общественных отношений. Однако юридическая догматика оставляет этого субъекта за пределами учения о праве. Н. Н. Алексеев отмечает: «С точки зрения изложенных соображений едва ли было бы правильным полагать, что вопрос о праве и справедливости принципиально разрешим в пределах юридической догматики и ее научных методов. Юридическая догматика, конечно, может поставить этот вопрос, – причем всегда в пределах изучения источников какого-либо положительного права. Такое исследование должно будет изучить те постановления, которые условно определяют, что такое право и что такое справедливость в смысле принятого в данной системе права словоупотребления» [1, с. 23–24].

Потребность в тех или иных правовых нормах в данном случае определяют те, кто способен формировать содержание правил поведения, закрепленных в источниках права. Это не только те субъекты, которые официально входят в состав различных государственных органов, занимающихся правотворчеством, но и иные субъекты, которые имеют возможность оказывать влияние на содержание создаваемых и реализуемых правил поведения посредством различных технологий. В качестве примера выступает лоббизм, являющийся общераспространенной технологией продвижения интересов, в том числе в законотворческом процессе. Н. Н. Алексеев пишет: «Но имеется и еще один, чрезвычайно важный момент, отличающий опытный характер юридической догматики от опытного характера описательного естествознания. Существо его определяется также свойствами изучаемого предмета. Опытный материал, с которым имеет дело юрист, не только является совокупностью обладающих смыслом фактов, но, сверх того, факты эти имеют совершенно особый и чисто условный характер... данность норм положительного права и юридических институтов есть данность известного человеческого установления, принятого при одних условиях и могущего быть измененным и отмененным при других. Данность эта гораздо менее «естественна», менее необходима и потому гораздо более лежит в области действия человеческой воли. Поэтому и все наблюдения этой данности имеют всегда очень условный характер. И в условном смысле решаются все вопросы построенной на изучении положительного права юридической теории» [1, с. 21].

Следовательно, в формировании, реализации и применении права определяющее значение имеет воля субъекта, который создает, реализует или применяет положительное право. По этому поводу Ганс Кельзен отмечал, что «юридическая норма есть нечто совершенно противоположное факту. Все фактическое принадлежит к области сущего, нормы же устанавливают должное. Сущее и должное разделены некоторой непреходимой пропастью, между ними не существует никакой свя-

зи. При этом различие между ними не только формально, но, по крайней мере, в пределах права, оно и субстанционально. С формальной точки зрения сущее и должное суть два различных модуса мышления и, как таковые, они не могут друг с другом смешиваться и друг друга заменять» [цит. по: 1, с. 140–141]. При этом, по мнению Кельзена, «содержание норм объективного права, в особенности же содержание законов, создается путем некоторого правотворческого акта, который совершенно независим от фактического развития права. Акт правотворчества есть акт разумный, решительно разрывающий связь со всем фактическим» [цит. по: 1, с. 141].

Следовательно, содержание права целиком и полностью зависит от субъективной воли законодателя и других лиц, формирующих право. Свобода воли таких субъектов имеет довольно широкие границы.

Однако наделение субъекта права почти безграничной свободой требует теоретического обоснования, которое могло бы отвлечь внимание от неограниченной свободы воли субъектов правотворчества. Одну из таких технологий предлагает теория бес-субъектных прав. Ее последователь Виндшейд следующим образом раскрыл эту теорию: «Субъективное право... есть признанное объективным правом господство воли. Если закон приписывает кому-либо право, то это значит, что закон признает его волю господствующей в определенном отношении над волею другого лица, или, точнее говоря, закон позволяет ему выразить волю определенного содержания, которой должны подчиниться другие воли. Если право налагает на кого-либо обязанность, то это значит, что право рассматривает волю этого лица, как подчиненную в определенном отношении другой воле, или, точнее говоря, как такую, которая должна подчиниться, если против нее выразилась другая воля определенного содержания. Закон притом предоставляет возможность перенесения права с одного лица на другое и не ограничивает права жизнью первого получателя, так что каждый последующий обладатель имеет не другое право сравнительно с предыдущим, а то же самое,

не подобное, а тождественное. Право, таким образом, остается то же самое, хотя носитель его переменялся, из чего видно, что право есть субстанция, а лицо – акциденция. Следовательно, право, не ограничиваемое определенным лицом, не есть признанное законом господство воли... определенного лица, но есть признанное законом господство воли определенного рода, а отсюда следует, что субъект есть нечто несущественное для права» [цит. по: 16, с. 71–72].

В самом деле, если признать объективное право как нечто изначально данное, то делом субъекта права остается лишь подчинение нормам права независимо от того, какие правила поведения в них закреплены. Поэтому с позиции юридической догматики не имеет значения, воля какого субъекта закреплена в актах правотворчества, реализации и применения права.

Следовательно, основная практическая задача юридической догматики – систематизация норм положительного права на основе правил формальной логики. Н. Н. Алексеев по этому поводу пишет, что «главная задача заключается здесь, конечно, в описании и классификации... Описание их заключается в описании их смысла. Поэтому “научная задача догматики”, – как справедливо говорит Лабанд, – “сводится к конструкции правовых институтов, к сведению отдельных правовых положений к общим понятиям и, с другой стороны, к выведению вытекающих из этих понятий логических следствий. Это есть, если отвлечься от момента исследования норм действующего права, т. е. от полного опознания предназначенного к обработке материала и овладения им, чисто логическая работа мысли. Для выполнения ее нет другого средства, кроме логики”. В результате логической обработки норм положительного права получается цельная его система. Разрозненный эмпирический материал становится логически продуманным целым, в котором связи установлены, противоречия вскрыты, общие принципы найдены и из них извлечены частные их применения» [1, с. 20–21].

Научная задача же состоит в определении юридических понятий, основанных на

нормах положительного права. Примером такового является следующее распространённое в российской юриспруденции определение: право – это система общеобязательных, формально-определённых правил поведения, установленных и охраняемых государством.

Это определение права представляет собой набор нескольких свойств права, следующих из содержания российского законодательства. Так, в соответствии с п. 2 ст. 6 Конституции РФ [6] каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, а согласно п. 1 ст. 19 этого же нормативно-правового акта все равны перед законом и судом. В этих правовых нормах выражена общеобязательность права.

Признак формальности закреплён в ст. 1 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» [18] на территории Российской Федерации применяются только те федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания, которые официально опубликованы.

По п. 1 ст. 105 Конституции РФ законы принимаются Государственной Думой. Из п. 1 ст. 114 этого же нормативного правового акта следует, что обязанность по обеспечению охраны права возлагается на Правительство Российской Федерации. Таким образом, право устанавливается и охраняется государством.

Необходимо отметить, что юридическая догматика не единственная концепция правопонимания, сформированная в соответствии с реалистской методологической традицией. Другой распространённой концепцией правопонимания является естественно-правовая доктрина. Положительное право, согласно средневековым теориям, должно соответствовать праву естественному. П. И. Новгородцев обобщает понятие естественного права, господствовавшего в правосознании

средневековых мыслителей: «Если мы примем во внимание, что естественное право обозначало собой систему принципов и норм, существующих от природы, помимо установления законодателя, и что настоящим источником этих норм всегда являлось внутреннее сознание отдельных лиц (или общественных групп), то мы должны будем определить рассматриваемое понятие как совокупность идеальных, нравственных представлений о праве» [11, с. 13].

Такое понятие права подразумевает наличие не единственной модели права. Последняя зависит от правосознания отдельных субъектов права, которые восполняют трансцендентальный субъект – государство, устанавливающее и охраняющее нормы права.

Таким образом, естественно-правовая концепция, выработанная в средние века, характеризуется следующими признаками:

1) естественное право – это право, к которому должно стремиться положительное право. По словам Спинозы, цель права заключается «не в том, чтобы господствовать и держать людей в страхе, подчиняться их власти другого, но, наоборот, в том, чтобы каждого освободить от страха, дабы он жил в безопасности, насколько это возможно, т. е. дабы он наилучшим образом удерживал свое естественное право и существование и деятельность без вреда себе и другому» [15, с. 260];

2) положительное право формирует властвующий субъект, который своей свободной волей осуществляет толкование естественного права. То есть естественное право – это репрезентация, в то время как положительное право выступает в качестве репрезентанта.

Такое правопонимание породило проблему о недопущении злоупотребления своими возможностями лицами, определяющими содержание положительного права. Решение этой проблемы было предложено теорией разделения властей, родоначальниками которой стали Дж. Локк и Монтескье. Так, Дж. Локк писал: «Что касается исполнительной и федеративной властей, то они действительно отличаются друг от друга, но все же эти два вида власти всегда объединены и их вряд ли стоит разделить и передавать

одновременно» [8, с. 85]. В то же время Дж. Локк пишет о том, что исполнительная власть подчинена законодательной власти и может быть по ее желанию изменена [8, с. 86–87].

Поставленная проблема теорией разделения властей в концепции Дж. Локка остается нерешенной, так как идеал права по Локку формируют исходя из своих интересов субъекты, имеющие возможность оказывать влияние на законодательную власть, которая является верховной и неизменной [8, с. 76].

Теория разделения властей в концепции Монтескье имеет несколько иное содержание. Так, исполнительная власть в лице монарха имеет право вето в отношении решений законодательного собрания, а законодательная власть осуществляет контроль за исполнением законов [10, с. 295–296]. О верховенстве законодательной власти Монтескье прямо не упоминает.

Таким образом, правовое государство в соответствии с реалистской методологической традицией представляет собой трансцендентальный субъект (репрезентант). Я. А. Слинин пишет: «Трансцендентальный субъект возникает перед нашим взором лишь тогда, когда мы довели процедуру сомнения... до конца и приобрели феноменологическую установку сознания... При феноменологической установке сознания неразрывность пары понятий “субъект” – “объект” сохраняется, но зато объект попадает в полную зависимость от субъекта, оказывается простой составной частью субъекта...» [14, с. 73–74].

В самом деле, с позиции реалистской методологической традиции требуется такое соотношение законодательной и исполнительной властей, которое в условиях конкуренции интересов членов общества обеспечило бы равенство этих интересов наиболее полным образом. Соответственно, конструируется модель правового государства, которое, по мнению субъектов права, сможет достигнуть указанной цели.

С другой стороны, правовое государство восполняется другими социальными институтами (репрезентация), которые способствуют созданию, реализации и применению

норм права в соответствующих сферах общественной жизни: различные общественные организации, лобби и т. д.

Социальные институты предполагают использование различных технологий в целях обеспечения реализации интересов той или иной социальной группы. Например, реализация права вето исполнительной властью или Президентом по современному праву предполагает использование технологий, которые позволяют удовлетворить интересы одних членов общества преимущественно (в ущерб) перед интересами других. Например, в праве США существует понятие «карманное вето». «К концу сессии Конгресс обычно принимает... много законов, чтобы время, затраченное на их рассмотрение на сессии, не пропало даром. Если Президент получил билль меньше чем за 10 дней до окончания сессии Конгресса, он может просто его не подписать, и билль никогда не станет законом, если не пройдет всю процедуру заново на следующей сессии Конгресса» [5, с. 549].

Таким образом, члены общества, не сумевшие пролоббировать свои интересы в Конгрессе, в результате чего был принят закон, не выгодный им, имеют возможность воздействовать на законодательный процесс через Президента.

Необходимо отметить, что в связи с тем, что цель правового государства в соответствии с реалистской методологической традицией – урегулировать наиболее полно интересы всех субъектов права, находящихся на территории данного государства, восполнение государства иными социальными институтами таково, что государство играет решающую роль в регулировании общественных отношений во всех сферах общественной жизни, т. е. имеет место консервативная политологическая традиция. А. А. Френкин отмечает, что «сущность консерватизма состоит в приоритете общих интересов (государства, народа, нации) над индивидуальными» [13, с. 40].

Общие интересы могут быть обеспечены лишь посредством самой идеальной системы социальных норм – системой норм права. При этом крайней формой реализации пра-

вового регулирования общественной жизни в соответствии с реалистской методологической традицией является тоталитаризм, «инициирующий подавление свободы и индивидуализма, доводящий до абсурда принципы и стандарты рациональности консерватизма» [2, с. 48]. В этом случае государство подчиняет своей компетенции максимальное количество общественных отношений.

В науке имеются и иные концепции идеальной государственной организации с соответствующим ей идеальным правом, помимо правового государства. Так, П. И. Новгородцев разработал концепцию «земного рая», реализация которого возможна только посредством права [12]. Он пишет: «От идеальной общественной организации ожидают не только умиротворения людей, но также устройства их духовной жизни, спасения их от внутреннего разлада, соблазнов и грехов мира» [12, с. 42].

Таким образом, только идеальное право может разрешить все социальные проблемы, в том числе религиозные, этические и т. п.

Многие современные российские исследователи предлагают ту или модель правового государства и соответствующего ему идеального права. Например, В. М. Сырых отмечает: «Верховенство закона как необходимый принцип правового государства означает не только признание за Конституцией и иными законодательными актами высшей юридической силы, их способность устанавливать исходные, первичные нормы правового регулирования в обществе, но и безусловное подчинение всех членов общества и государства в целом действующему закону. В своей многогранной деятельности государство действует не по собственному усмотрению или по произволу, а в строго определенных рамках, установленных Конституцией и иными основополагающими нормативно-правовыми актами» [4, с. 101].

Таким образом, верховенство закона означает:

1) иерархию нормативно-правовых актов по юридической силе, в которой Конституция и другие законы имеют высшую юридическую силу;

2) верховенство закона над государственным аппаратом;

3) верховенство права над внеправовыми социальными нормами;

4) право регулирует значительное количество общественных отношений. Внеправовым социальным нормам для регулирования остается лишь незначительная часть общественных отношений.

Вместе с тем такое положение дел не является идеальным решением вопроса об урегулировании интересов субъектов права, что видно из примера попытки использования идей правового государства в Нюрнбергском процессе. Например, Ю. И. Стецовский пишет: «Адвокат рассмотрел вопрос о действии нормы во времени, об обратной силе закона. Штамер решительно возражал против применения Устава МВТ в той части, где им создаются новые формы права, угрожающие наказанием за действия, которые в период их совершения не считались преступными. Штамер напомнил, что главный обвинитель от Великобритании назвал издание законов, имеющих обратную силу, одной из самых оскорбительных доктрин национал-социалистического правосудия. В связи с этим основной вопрос состоит в том, должен ли Трибунал наказывать за действия, которые не составляли преступления в момент их совершения.

Рассмотрел адвокат и проблему разделения властей. Он напомнил принцип, согласно которому властям необходимо уравновешивать чаши весов и, таким образом, контролировать друг друга. Указывалось, что принцип разделения властей является характерным признаком, сутью правового государства. Согласно принципу разделения властей судья не должен соглашаться с исправлением ошибок политического деятеля и прибегать к наказанию на основании закона, изданного после совершения преступления. Укрепление идеи права, отметил адвокат, нельзя достичь, начав с ее нарушения» [17, с. 20–21].

Необходимо признать, что если бы при вынесении решений в Нюрнбергском процессе Международный военный трибунал руководствовался верховенством закона – одним из основных принципов правового государства, фашизм должен был быть оправдан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.
2. *Григоренко Д. Е.* Адекватность концепции управления обществом его культуре и цивилизации. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2007. 160 с.
3. *Кант И.* Сочинения: в 6 т. М., 1963–1966. Т. 4/2. 470 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л. А. Окунькова. М.: БЕК, 1996. 317 с.
5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. Т. 1–2. Часть общая: учебник / отв. ред. Б. А. Страшун. 3-е изд., обновл. и доп. М.: БЕК, 1999. 784 с.
6. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с изм. на 21 июля 2007 г.) // Российская газета. № 237. 25.12.1993.
7. Латинские юридические изречения / сост. Е. И. Темнов. М.: Юрист, 1996. 400 с.
8. *Локк Д.* Избранные философские произведения: в 2 т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 532 с.
9. *Локина С. М.* Краткий словарь иностранных слов. 2-е изд., стереотип. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 384 с.
10. *Монтескье Ш. Л.* Избранные произведения / под общ. ред. М. П. Баскин М.: Госполитиздат, 1955. 799 с.
11. *Новгородцев П. И.* Историческая школа юристов. СПб.: Лань, 1999. 192 с.
12. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
13. *Рормозер Г., Френкин, А. А.* Новый консерватизм: вызов для России. М.: Изд-во ин-та философии РАН, 1996. 292 с.
14. *Слинин Я. А.* Феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2004. 528 с.
15. *Спиноза Б.* Избр. произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. 631 с.
16. *Суворов Н. С.* Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. 299 с.
17. *Стецовский Ю. И.* Преступления против человечности и адвокатура // Адвокат. 2007. № 2. С. 13–25
18. Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (в ред. от 22 октября 1999 г.) // Российская газета. № 111. 15.06.1994.

REFERENCES

1. *Alekseyev N. N.* Osnovy filosofii prava. SPb.: Lan', 1999. 256 s.
2. *Grigorenko D. E.* Adekvatnost' kontseptsii upravleniya obshchestvom ego kul'ture i tsivilizatsii. Krasnoyarsk: Sib. gos. aerokosmich. un-t, 2007. 160 s.
3. *Kant I.* Sochineniya: v 6 t. M., 1963–1966. T. 4/2. 470 s.
4. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii / pod red. L. A. Okun'kova. M.: BEK, 1996. 317 s.
5. Konstitutsionnoye (gosudarstvennoye) pravo zarubezhnykh stran: v 4 t. T. 1–2. Chast' obshchaya: uchebnik / отв. red. B. A. Strashun. 3-e izd., obnovl. i dop. M.: BEK, 1999. 784 s.
6. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12.12.1993 g. (s izm. na 21 iyulya 2007 g.) // Rossiyskaya gazeta. N 237. 25.12.1993.
7. Latinskiye yuridicheskiye izrecheniya / sost. E. I. Temnov. M.: Yurist', 1996. 400 s.
8. *Lokk D.* Izbrannyye filosofskiyе proizvedeniya: v 2 t. M.: Sotsekgiz, 1960. T. 2. 532 s.
9. *Lokshina S. M.* Kratkiy slovar' inostrannykh slov. 2-e izd., stereotip. M.: Sov. entsiklopediya, 1968. 384 s.
10. *Montesk'ye Sh. L.* Izbrannyye proizvedeniya / pod obshch. red. M. P. Baskin M.: Gospolizdatel'stvo, 1955. 799 s.
11. *Novgorodtsev P. I.* Istoricheskaya shkola yuristov. SPb.: Lan', 1999. 192 s.
12. *Novgorodtsev P. I.* Ob obshchestvennom ideale. M.: Pressa, 1991. 640 s.
13. *Rormozer G., Frenkin, A. A.* Novy konservativizm: vyzov dlya Rossii. M.: Izd-vo in-ta filosofii RAN, 1996. 292 s.

14. *Slinin Ya. A.* Fenomenologicheskoye issledovaniye. SPb.: Nauka, 2004. 528 s.
15. *Spinoza B.* Izbr. proizvedeniya: v 2 t. M.: Gospolitizdat, 1957. T. 2. 631 s.
16. *Suvorov N. S.* Ob yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu. M.: Statut, 2000. 299 s.
17. *Stetsovsky Yu. I.* Prestupleniya protiv chelovechnosti i advokatura // *Advokat.* 2007. N 2. S. 13–25
18. Federal'ny zakon ot 14 iyunya 1994 g. N 5-FZ «O poryadke opublikovaniya i vstupleniya v silu federal'nykh konstitutsionnykh zakonov, federal'nykh zakonov, aktov palat Federal'nogo Sobraniya» (v red. ot 22 oktyabrya 1999 g.) // *Rossiyskaya gazeta.* N 111. 15.06.1994.